

«ДУША ПЕРЕКОДИРУЕТСЯ В СЛОВО»

(Константин Кедров, На дружеской ноге. Серия «Говорим о литературе». – М., Библио ТВ, 2023. – 328 с.)

Новая книга поэта Константина Кедрова – свод его лекций. Многие успешные лекторы рано или поздно издают книги по материалам своих выступлений – хотя бы потому, что всё это востребовано, за этим стоит большая работа и устойчивый интерес публики. На презентации своей новой книги Константин Кедров заметил: «Перевод устной речи в письменную – вариант всегда проигрышный. Самому себя редактировать невозможно. В творчестве душа полностью перекодируется в слово». Есть люди, которые настолько даровиты в устной речи, что боятся расплескать на бумаге своё лекционное вдохновение. Интеллектуальная мощь Константина Кедрова такова, что его устные произведения-импровизации практически равны по силе воздействия трудам письменным. Что же представляет собой его новая книга? В своих лекциях поэт говорит о близких ему по духу писателях прошлых лет.

Книга не случайно открывается статьей о Льве Толстом «Сила ненасилия». В настоящее время ненасилие для нас очень актуально. Часто звучат слова об искусстве как «мягкой силе». Но на деле правительства многих стран не следуют этому постулату. Литература не хочет с этим мириться, но политики попросту игнорируют слова писателей. Нравственные примеры Льва Толстого, Альберта Швейцера, Махатмы Ганди убеждает нас в том, что можно попытаться изменить мир к лучшему. Об этом пишет в своей новой книге Константин Кедров. Он убеждён: Толстого неправильно трактовали. Лев Николаевич говорил не о «непротивлении злу насилием», а о «противлении злу ненасилием».

Константин Кедров словно бы заново открывает самых известных в мировой литературе авторов – Гёте, Шекспира, Сервантеса, сообщает нам о зачитанных до дыр произведениях что-то такое, чего мы не знали или на что не обратили внимание. Это редкое умение. Находить новое в широко известном подвластно людям уникального таланта, которым, несомненно, обладает Константин Кедров. Его книга легко читается и воспринимается, поскольку речь в ней идёт о многократно прочитанных и не однажды экранизированных произведениях. Таковы, например, романы Александра Дюма. Кедров восстанавливает доброе имя Дюма, обвинённого критиками в пошлости и отсутствии глубины. Об особом, неравнодушном отношении Кедрова к творчеству Дюма я догадывался и ранее, поскольку одна из его недавних книг называлась «Де Тревиль метаметафоры». Поэт обращает наше внимание на религиозные аспекты романов Дюма, которые, по известным причинам, выпали из нашего поля зрения в советское время. Он выступает в новой книге как герменевт, который растолковывает читателям тайный смысл многих положений. Почему роман Дюма называется «Три мушкетёра», хотя мушкетёров на самом деле четыре? Оказывается, соотношение трёх к четырём – золотое сечение. Я далёк от мысли, что Дюма-старший держал это в голове, когда работал над романом. Но ведь мы анализируем заложенное в произведениях, чтобы самим пойти дальше! Сцена казни Миледи в «Трёх мушкетёрах» роднит, по мнению Кедрова, роман Дюма с произведениями Толстого и Достоевского. Как правильно судить человека – по совести или по закону? Константин Кедров не делает особой разницы между «открытыми» текстами Дюма-старшего и герметическими произведениями Флоренского и Даниила Андреева. Главное – понимание. Если произведение в нас резонирует, не важно, сложное оно или простое. Мы видим, что «простые» романы Дюма на самом деле хорошо продуманы и структурированы.

Каким бы глубоким ни был человек, сильнее всего в нём резонируют именно те произведения, в которых есть биографическая рифма с его судьбой. «Во мне, а не в писаниях Монтеня находится всё то, что я в них вычитываю», – говорил Паскаль. Существует и автобиографическая реальность Константина Кедрова. Казалось бы, что общего между «Графом Монте-Кристо» Александра Дюма и «Приглашением на казнь» Владимира Набокова? Оказывается, и там, и там герои стали жертвами доносов. Я, когда читал эти романы, специально на этом не акцентировался – там есть, на мой взгляд, множество более важных вещей. Но Константин Кедров просто не мог этого не заметить – сам он тоже однажды стал жертвой доноса. И, могу представить, он ощутил боль Эдмона Дантеса и Цинцинната сильнее, чем другие читатели, которые в подобных ситуациях не бывали.

В новой книге много неочевидных ходов. Например, Шекспира Кедров подаёт... через Маяковского. Посыл здесь такой: гений всё схватывает на лету. То, что Шекспир нигде не учился, не доказывает, что его произведения писали другие люди. Маяковский тоже не учился – но стал великим поэтом, который блистал в стихах недюжинной эрудицией. Говоря о Шекспире, Кедров отмечает, что человеческий разум устроен так, что нам хочется «сделать бывшее не бывшим», поставить его под сомнение. Однако конспирологические теории вокруг Шекспира не учитывают того, что он гений. Гению не нужно долго учиться.

Очень удивила меня лекция Кедрова о Марселе Прусте. Казалось бы, Пруст – стилистически совершенно «чужой» для него автор. Но это не совсем так. «Человек Пруста – это человек, которого интересует всё», – говорит Константин Кедров. Это же, на мой взгляд, можно сказать и о нём самом. Ну, скажите, зачем писателю знать квантовую физику и теорию относительности? А Кедров этим интересуется, именно потому, что его интересует всё. А вот и разгадка его интереса к Прусту – Пруст улавливал бесконечность восприятия, чувств и ощущений. А бесконечность – горизонтально опрокинутая восьмёрка – это как раз сфера интеллектуальных и духовных интересов Константина Кедрова. «Пойманная, зримая, осязаемая, слышимая, ощущаемая бесконечность – это тот подарок, который принёс нам Пруст», – заключает писатель. Как и другой герой его книги, Павел Флоренский, Кедров исповедует «философию бесконечных зачатий». Ему интересны все – и классики, и авангардисты, и даже детские писатели.

С особой теплотой пишет Константин Кедров о Льюисе Кэрролле и его «Алисе». Он называет это «Евангелием от ребёнка». На ум приходит разве что ещё одно произведение, которое одинаково интересно как детям, так и взрослым – «Маленький принц». Однако, читая Кедрова, лишний раз убеждаюсь: Кэрролл глубже! Константин Кедров защищает фаустианство как способ познания мира. Причём его фаустианство не противоречит нашему православию, и это – ещё один парадокс мастера.

«На дружеской ноге», невзирая на легкомысленное, «хлестаковское» название, – книга мировоззренческая. Это не просто литературоведение. В русской литературе часто духовные книги маскировались под искусствоведение. Русская литература – настолько глубокая, что, просто комментируя и анализируя произведения Толстого, Достоевского и других великих писателей, можно совершать открытия. Константину Кедрову помогает в этом «сквозное» зрение: так, в главе о Дон Кихоте он параллельно рассказывает и о Гамлете, и о Тургеневе. Авторы и их произведения не существуют в мире обособленно. Везде есть пересечения, порой даже – из других литератур. В мире духовном национальность не так важна. Испанец Сервантес, немец Гёте, французы Дюма и Пруст, англичане Шекспир и Льюис Кэрролл стали такими же родными для русского читателя, как и свои, «доморощенные» писатели. Некоторых героев книги связывали

с Константином Кедровым дружеские отношения. Так, он дружил с философом-имяславцем Лосевым, говорившим «Бог не есть имя, но имя есть Бог», и вдовой Даниила Андреева, который открыл для нас «космическую реальность духовного мира».

Замечательное свойство новой книги Константина Кедрова заключается в том, что её невозможно прочесть залпом. Невольно останавливаешься и делаешь паузы, чтобы побыть наедине со своими мыслями, спонтанно возникающими во время чтения. «На дружеской ноге» Константина Кедрова может стать настольной книгой для мыслящей категории читателей. Это, на мой взгляд, энциклопедия разума.